

Эдит Несбит
Пятеро детей и Оно
Серия «Лучшая классика для девочек»
Серия «Саммиад», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=439035
Пятеро детей и Оно : повесть / Эдит Несбит: АСТ, Астрель; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77423-4

Аннотация

«Пятеро детей и Оно» – один из самых известных и популярных романов мировой классики для детей. Неоднократно экранизированная в разных странах от Великобритании до Японии, книга заслужила любовь и признание юных читателей. Хорошая история о том, что не всегда сбывшиеся желания приносят радость.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эдит Несбит

Пятеро детей и Оно

© Иванов А., Устинова А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Джону Бланду

Ягненок мой, ты букв не знаешь,
Ты слишком мал и не читаешь.
Но слов не в силах разобрать,
Ты в силах книгу рвать и мять.

Тебе сейчас ее дарю,
Но все ж на полке сохраню,
Чтоб смог потом ее прочесть,
В том виде, как она и есть.

Ягненок, время не уймешь, —
Ты очень скоро подрастешь.
Тогда и с полки книгу взять
Ты сможешь, чтоб все в ней понять.

Глава 1

Прекрасны, как ясный день

Дом находился в трех километрах от станции, однако не успел еще пыльный наемный экипаж и пяти минут погрохотать по дороге, как дети, поочередно высовывая из него головы, начали повторять:

– А мы вроде уже почти приехали.

Каждый же раз, когда им на пути попадался какой-нибудь дом, что, впрочем, происходило слишком уж часто, они спрашивали:

– О-о, это уже он и есть?

Но каждый раз это был не он, до той самой поры, когда экипаж, миновав меловой карьер и еще не добравшись до гравийного, достиг самой вершины холма, откуда стал, наконец, виден Белый Дом с пышным зеленым садом спереди и яблоневым – позади. И мама торжественно объявила:

– Вот мы и на месте.

– До чего же он белый, – приглядывался к дому Роберт.

– А розы вы видели? – восхищалась Антея.

– И сливы, – добавила Джейн.

– Здесь очень недурно, – заключил Сирил.

А малыш сказал:

– Хочет ходить.

Экипаж громыхнул еще раз напоследок, дернулся и остановился. Сразу возникла большая давка, в которой каждого пнули и каждому наступили на ногу, но дети даже не обратили на это внимания, потому что ведь так бывает всегда, если пять человек стремятся выйти наружу одновременно. Мама, как это ни покажется странно, покидать экипаж не спешила; когда же покинула, то, вместо того чтобы спрыгнуть на землю, спокойно себе спустилась с подножки и сперва начала проверять, все ли коробки с вещами занесены в дом, а затем заплатила кучеру, совершенно пренебрегая возможностью принять участие в славном первом пробеге по зеленому саду и яблоневому, мимо колючих кустов, обильно произраставших сразу за сломанной калиткой, и высохшего фонтана пообок от дома. Дом оказался вполне обычным, а мама к тому же сочла его неудобным, потому что в нем почти не было стенок шкафов и полок. Папе же больше всего не понравилась кровля с железным покрытием, и он сказал, что такое уродство могло помешаться архитектору только в ночном кошмаре. В то же время дом этот находился далеко за городом, поблизости, насколько хватало глаз, других жилищ не было, а дети уже два года подряд провели безвыездно в Лондоне, лишённые даже однодневных экскурсий на побережье, и Белый Дом показался им чуть ли не замком феи среди райских куш. Ведь Лондон в глазах детей подобен тюрьме, особенно если родители их небогаты.

Конечно, там есть магазины, и театры, и еще много всего замечательного вроде представлений знаменитых иллюзионистов Маскелина и Кука, но если ваши родители стеснены в средствах и не имеют возможности водить вас по театрам и на представления или приобрести заманчивые и приятные вещи, в которые можно великолепно играть, совершенно забыв, что где-то рядом существуют деревья, песок, леса и чистые водоемы, то вам делается невыносимо среди сплошных прямых линий этого города и его ровных улиц, и вы всей душой начинаете рваться в края со множеством разных деревьев, извилистыми дорожками и тропками. Туда, где даже травинки, как вам, разумеется, это известно, не походят одна на другую.

Потому что на улицах, где не растет трава, все какое-то одинаковое, и дети, живущие там, часто не слушаются и капризничают. Их папы и мамы, дяди и тети, кузены, учителя, гувернантки теряются в догадках, почему это так, а я не теряюсь. И вы теперь тоже. Случается, что и за городом дети выходят из-под контроля. Но этому нужно искать совершенно иные причины и объяснения.

Успев обследовать оба сада и все хозяйственные постройки еще до того, как родителям удалось их выловить и привести в относительно сносный вид к пятичасовому чаю, дети отчетливо поняли: Белый Дом сулит им счастливую жизнь. Собственно, им показалось это уже в момент приезда. Но после того как они обнаружили, что задняя часть дома утопает в цветущих кустах жасмина, источающих аромат, достойный самых чудесных духов, о флаконе которых каждый мечтал бы в свой день рождения; и после того как они очутились на ровной лужайке, где сочно-зеленая трава ничем не напоминала ту бурую и пожухлую, которая росла в садах Кэмдена; и после того как они обнаружили конюшню с чердаком, на котором еще осталось старое сено; и когда в довершение ко всему Роберт увидел сломанные качели, с которых немедленно сверзился, набив на лбу шишку размером с куриное яйцо, а Сирил прищемил себе палец дверцей клетки, похоже, сделанной специально для содержания кроликов, если, конечно, они у вас есть, все пятеро окончательно убедились: перед ними здесь открываются сияющие перспективы.

Одной из лучших сторон их приезда сюда было отсутствие правил, которые в Лондоне постоянно вам запрещают или где-то ходить, или что-нибудь делать, или трогать какие-нибудь предметы. Лондон просто кишит такими табличками, а если вы даже не видите их, то все равно знаете: они есть, и вам об этом напомнят тотчас же после того, как вы пренебрежете очередным запретом.

Белый Дом стоял на краю холма. Позади него темнел лес. С одной стороны находился меловой карьер, с другой – гравийный. А под холмом простиралась долина с необычного вида белыми строениями, в которых рабочие жгли известняк, большой красной пивоварней и просто жилыми домами. Когда трубы в долине дымили, а солнце садилось, ее окутывал золотой туман, и в этом таинственном мареве печи для обжига известняка и хмелесушилка сияли, как зачарованный город из «Тысяча и одной ночи».

После такого вступления вполне можно было бы написать затейливую историю об обычных детях, которые занимаются тем же, что вы, и, подобно вам, иногда представляются взрослым несносными и утомительными. Увидев такую книжку, какая-нибудь ваша тетя с удовольствием написала бы карандашом на полях: «Как правдиво!» или: «Ну будто в реальной жизни!» – и вы были бы этим ее замечанием страшно раздражены. Поэтому я расскажу вам совсем другое, о чем ваша тетя даже и не подумает написать «как правдиво!». Взрослые ведь в чудеса не верят. Они вообще ни во что не верят, чему, как они говорят, «не найдешь доказательств». Вы же готовы поверить во что угодно, чем взрослые, кстати, порой беззастенчиво пользуются, когда речь идет о вещах совершенно неочевидных.

К примеру, вы видите у себя под ногами плоскую и бугристую землю, а они говорят вам, что она круглая, как апельсин. На ваших глазах Солнце каждое утро встает и каждый вечер уходит спать, а вам доказывают, что Земля вокруг него вертится. И вы, решусь утверждать, в это верите. Значит, вам будет легко поверить и в то, что не успели Антея, Сирил и остальные дети прожить за городом даже неделю, как повстречались с эльфом. То есть они это именно так называли. И это само себя так называло, а ему, конечно же, было виднее, хоть оно и не походило ни на одного из эльфов, которых вы до сих пор видели, или знаете понаслышке, или из книг.

Это случилось в гравийном карьере, когда папа уехал по очень важному делу в город, а мама уехала пожить у бабушки, которая вдруг заболела. Родители собрались в суе и спешке, и когда они отбыли, дом показался детям слишком пустым и тихим. Побродив

из комнаты в комнату, где еще не убрали обрывки бумаги и веревки, оставшиеся от сборов, они стали думать, чем бы таким заняться. Тут Сирил и предложил:

– А давайте-ка мы возьмем те лопаты, которые привезли из Моргейта, отправимся в гравийный карьер и там покопаем, словно на берегу моря.

– Кстати, папа ведь говорил, что когда-то там море и было, – напомнила Антея. – Там даже есть ракушки, которым целая тысяча лет.

Они и раньше уже навевались и к гравийному карьеру, и к меловому, но вниз не спускались, а только сверху смотрели на дно из опасения, что папа им запретит там играть. Тут надо заметить, что спуск в такие карьеры достаточно безопасен, если, конечно, не скатываться по круче, а воспользоваться дорогой, которая специально проложена туда для повозок.

Каждый из пятерых детей нес по лопате, а еще они по очереди тащили на руках Ягнечка, который был самым младшим из них и получил свое прозвище, потому что первый звук, им произнесенный, в точности походил на ягнячье блеяние. Антею же братья прозвали Пантерой, и это может вам показаться довольно глупым, однако лишь только вы произнесете слово «пантера» вслух, как убедитесь, насколько похоже оно по звучанию на ее имя.

Карьер был широкий и очень глубокий. Края его поросли травой и чахлыми желтыми и лиловыми полевыми цветами. С виду он походил на гигантскую раковину для мытья посуды, стенки которой испещрены дырами, потому что оттуда вынули гравий. И высоко на склонах его тоже можно было увидеть дыры, только гораздо более узкие. Это входы, ведущие в гнезда береговых ласточек.

Первым делом дети, конечно, принялись строить песчаный замок. Но строительство таких замков – занятие весьма скучное, если нет никакой надежды, что на море начнется прибой, который заполнит ров, смост подвесной мост и в счастливом итоге окатит вас самих по крайней мере до пояса.

Сирил подал идею вырыть пещеру для игры в контрабандистов, но остальные не захотели, высказав опасение, что она обвалится и заживо их погребет. И тогда все лопаты вновь устремились к замку, чтобы прорыть сквозь него ход в Австралию. Эти дети ведь верили, что Земля круглая и с другой ее стороны ходят, как мухи по потолку, вверх ногами и вниз головой австралийские мальчики и девочки.

Они копали, копали и копали. Разгоряченные красные руки их облепил песок, лица блестели от пота. Ягненок попробовал есть песок, но когда, вопреки его ожиданиям, оказалось, что это совсем не коричневый сахар, горько заплакал, а затем, утомившись, уснул теплым толстым кулком в центре полудостроенного замка, тем самым освободив на какое-то время сестер и братьев от пристального пригляда за ним. Лопаты заработали с удвоенной силой, и вскоре дыра, которая должна была вывести их в Австралию, стала такой глубокой, что Джейн (домашнее прозвище Киса) призвала остальных умерить свой пыл.

– Вы только представьте себе, что будет, если мы вдруг провалимся со всем этим песком к маленьким австралийцам, и он попадет им в глаза, – с опаской проговорила она.

– Да уж, – вполне согласился с ней Роберт. – Они ведь тогда нас сразу возненавидят, и вместо того чтобы нам показать всяких своих опоссумов, эвкалипты, страусов и кенгуру, начнут кидаться камнями.

Антея и Сирил подозревали, что Австралия от них еще не так близко, но все же бросили в свою очередь от греха подальше лопаты и стали копать руками. Процесс шел довольно легко. Песок на дне ямы был мягкий, сухой и мелкий, словно на берегу моря, и дети в нем находили множество мелких ракушек.

– Вот вы только представьте, здесь было когда-то море, – с мечтательным видом проговорила Джейн. – Такое все мокрое и блестящее. С рыбами, угрями, кораллами и русалками.

– И с мачтами кораблей, – живо представил себе величественную картину Сирил. – И с потерпевшим крушение испанским сокровищем. Ох, как мне бы хотелось найти золотой дублон.

– А каким это образом море вдруг унесло отсюда? – озадачился Роберт.

– Ну, конечно же, не в ведре, глупыш, – отозвался Сирил. – Папа сказал, что Земля стала слишком горячей. Вроде того как становится иногда жарко под одеялом. И ей пришлось поднять плечи. А морю тогда пришлось соскользнуть, как с нас соскальзывает в таких случаях одеяло. Плечо осталось торчать наружу и превратилось в сухую землю. Давайте поищем ракушки. По-моему, они обязательно должны быть вон в той маленькой пещерке. И еще там, мне кажется, даже торчит осколок якоря от затонувшего корабля. Пошли. А то в этой австралийской дыре как-то стало чересчур жарко.

Все, кроме Антеи, этим и занялись, а она упорно продолжала углублять дыру, ибо всегда стремилась любое дело довести до конца и сейчас считала позором не докопаться до Австралии.

Пещера детей разочаровала. Ракушек там совершенно не оказалось, а то, что Роберт считал обломком древнего якоря, на самом деле было всего лишь куском рукояти кирки. Все находящиеся в пещере как раз пришли к выводу, что песок, если рядом нет моря, способствует сильной жажде, и кто-то предложил даже сбегать домой, где можно ее утолить при помощи лимонада, когда снаружи раздался голос Антеи:

– Сирил, сюда! Ой, скорее! Оно живое и сейчас убежит!

И все, конечно, помчались.

– Не удивлюсь, если это крыса, – говорил Роберт. – Папа сказал, они в разных старых местах обычно просто кишат, а это место как раз очень старое, раз здесь уже тысячи лет назад было море.

– А вдруг это змея? – содрогнулась Джейн.

– Вот сейчас и проверим, – первым запрыгнул в австралийскую дыру Сирил. – Я лично змей совсем не боюсь. Мне они даже нравятся. Так что если это она, я ее приручу, и она потом станет повсюду за мной ходить, а ночью пусть спит, обернувшись вокруг моей шеи.

– Нет, не пусть, – решительно воспротивился Роберт, который делил на двоих с ним спальню. – Я согласен только на крысу.

– Ой, да вы оба глупости говорите, – вмешалась в их спор Антея. – Это совсем не крыса, потому что оно гораздо больше. И не змея, потому что у него есть ноги, и я их видела. А еще у него есть шерсть. Нет, нет! Не лопатой! Вы же можете ему сделать больно!

– Ну да, пусть лучше меня укусит. Это ведь вероятнее, – уже ухватился за рукоять лопаты Сирил.

– Не вздумай! – опять закричала Антея. – Я понимаю, звучит это глупо, но оно только что заговорило. Честное слово.

– И что же оно тебе сказала? – замер с лопатой в руках Сирил.

– Оно сказала: «Оставь меня в покое», – откликнулась Антея.

Но Сирил ответил ей, что она просто слетела с катушек, и они с Робертом стали копать в две лопаты, а она сидела на краю ямы, то и дело подпрыгивая от волнения и еще от того, что песок, на котором она сидела, был очень горячий.

Вскоре все увидели, что на дне австралийской ямы действительно что-то движется.

– Я совсем не боюсь и тоже буду копать! – прокричала Антея и начала рыть песок совсем как собака, вдруг вспомнившая, где у нее зарыта про запас косточка. – Ой, я даже нащупала шерсть, – полуплача-полусияя объявила она. – Я точно ее почувствовала.

Вдруг из песка послышался голос. Дети замерли, и сердца у них громко заколотились.

– Оставьте меня в покое, – сердито произнес голос.

Дети отчетливо это расслышали и уставились друг на друга, словно бы каждый хотел убедиться, что ему не почудилось.

– Нет, мы хотим увидеть тебя, – первым осмелился произнести Роберт.

– Нам бы хотелось, чтобы ты вышел, – следом за ним расхрабрилась Антея.

– Ну, если твое желание таково, – произнес сухой голос.

Песок пошел зыбью, кругами взметнулся в воздух, и на дно ямы вывалилось нечто коричневое, толстое и лохматое. Песок скатился с него, как вода, и теперь оно сидело, потирая руками глаза и зевая.

– Должно быть, я задремал чуток, – объявило оно, потягиваясь.

Дети, стоя вокруг ямы, глазели на существо, которое явно стоило их внимания. Глаза у него держались на длинных рожках, как у улитки, вдвигаясь внутрь и выдвигаясь наружу наподобие складной подзорной трубы. Уши были как у летучей мыши. Круглое тельце, густо поросшее мягкой шерстью, формой напоминало паучье. А ноги и руки, тоже мохнатые, смахивали на обезьяньи.

– Ну и? – не отводя взгляда от существа, спросила Джейн. – Мы это берем с собой?

Существо развернуло глаза в ее сторону.

– Она всегда несет подобную чепуху или сейчас ей мешает соображать этот мусор на голове? – с презрением поглядел он на ее шляпку.

– Но она не хотела говорить глупости, – мягко ему возразила Антея. – И никто из нас не хотел. Не бойся, мы не сделаем тебе больно.

– Мне? Больно? – явно ошеломили ее слова существо. – Мы? Мне? Больно? Ну, ничего себе заявленьице! Ты так со мной говоришь, словно я никто!

Шерсть на нем вздыбилась, и оно теперь походило на кота, изготовившегося к драке.

– Возможно, если нам станет хоть что-нибудь про тебя известно, мы найдем такие слова, чтобы ты не сердился, – вежливо продолжала Антея. – И не стоит на нас обижаться, если мы их пока не нашли. Поэтому лучше не злись, а скажи, кто ты. Мы ведь совсем о тебе ничего не знаем.

– Вы не знаете? – изумилось оно. – Я, конечно же, сильно подозревал, что мир изменился, но... Вы хотите сказать, что не узнали бы Саммиада, предстань он пред вашими взорами?

– Саммиада? – переспросила Антея. – По-моему, это что-то по-гречески.

– И не только по-твоему, – отрезало существо. – В общем, перевожу на английский: песчаный эльф. Вы что, не способны узнать песчаного эльфа?

Он выглядел столь расстроенным и обиженным, что Джейн, покривив душой, торопливо его заверила:

– Ну, конечно, теперь узнаю. Достаточно только взглянуть на тебя внимательно.

– Ты, между прочим, так же внимательно на меня смотрела и несколько разговоров назад, – сердито ответило существо, начиная опять вворачиваться в песок.

– Ой, только не уходи! – взмолился Роберт. – Давай еще хоть немного поговорим. Я не знал, что ты песчаный эльф, зато, как только ты нам показался, понял, что ты – самое потрясающее существо на свете.

Песчаный эльф несколько помягчал:

– Да я, в общем, не возражаю поговорить, если вы со своей стороны проявите хоть немного почтительности. Но не особо надейтесь, что я буду с вами чересчур вежлив. Придется мне по душе беседа, может, я вам и отвечу. В противном же случае – извините. Ну, а теперь я вас слушаю.

Какое-то время все пятеро напряженно думали, о чем будет лучше поговорить, и наконец Роберт выпалил:

– А ты давно здесь живешь?

– О-о, давно, – протянуло величественно существо. – Несколько тысяч лет.

– Расскажи же, пожалуйста, нам об этом! Очень просим! – нестройным хором воскликнули дети.

– В книгах все есть, – махнул небрежно мохнатой рукой Саммиад.

– В наших книгах тебя нет, – возразила Джейн. – Поэтому все-таки расскажи, пожалуйста, о себе. Ты ведь такой хороший, а мы про тебя ничего не знаем.

Существо горделиво разгладило свои длинные, как у крысы, усы, под которыми промелькнула довольная улыбка.

– Пожалуйста, расскажи! – разом грянули дети.

Нам свойственно удивительно быстро привыкать даже к самым невероятным явлениям. Каких-нибудь пару минут назад дети понятия не имели, что на свете существуют песчаные эльфы, а теперь вот вели беседу с одним из них, словно он был им знаком всю жизнь.

– До чего же сегодня солнечно. Прямо как в старые добрые времена, – с довольным видом произнесло существо, втягивая в себя глаза. – А позвольте полюбопытствовать, где вы теперь берете своих мегатериумов?

– Че-его? – ошалело уставились на него дети. В моменты замешательств, сомнений и потрясений легко ведь забыть, что слово «чего» не слишком-то вежливое.

– А птеродактилей нынче много водится в этих местах? – задало новый вопрос существо.

Но и на это дети ему не могли ничего ответить. И тогда существо осведомилось:

– А что вы едите на завтрак? И кто его вам дает?

– Ну, яйца с беконом, хлеб с молоком, кашу и все такое прочее, – наперебой начали перечислять дети. – А что такое мега... как ты там это назвал? И птеро... как ты там это назвал?

– Как я назвал? – воскликнул Саммиад. – Да в мое время почти все человечество этим завтракало. Птеродактили были похожи на крокодилов и немножко на птиц. В жареном виде, насколько я помню, пальчики оближешь. Видите ли, ситуация складывалась тогда такая. Песчаных эльфов существовало множество, и люди, проснувшись утром, шли на их поиски. А когда находили, эльф был обязан выполнить одно желание в день для каждого. Вот люди и отправляли своих маленьких сыновей перед завтраком к берегу моря на поиск песчаного эльфа. Самому старшему мальчику поручалось пожелать мегатериума, уже разделанного для готовки, а это, замечу, впечатляющее количество мяса. Животное-то не уступало размером слону. А если людям хотелось рыбы, они желали ихтиозавра. Он был от двадцати до сорока футов длиной, куча народа могла наесться. Из птицы они выбирали чаще всего плезиозавров – тоже весьма мясистых. Младшим сыновьям дозволялось пожелать другое, и не обязательно из гастрономической области. Но если людям предстояло устроить званый обед, то и младшим вменялось в обязанность заказать у эльфа еду. Как правило, мегатериумов и ихтиозавров. Плавники ихтиозавра считались изысканнейшим деликатесом, а из хвоста этих рыб варили великолепный суп.

– Наверное, после таких обедов у них оставались груды холодного мяса, – предположила Антея, которая собиралась в будущем стать образцовой хозяйкой.

– О, нет, – возразило ей существо. – Никаких остатков. После захода солнца остатки всего, что они себе пожелали, превращались в камни. Мне говорили, здесь до сих пор всюду можно найти окаменевшие останки мегатериумов и прочих представителей фауны.

– Кто же тебе говорил? – заинтересовался Сирил.

Песчаный эльф моментально нахмурился и начал быстро копать песок своими шерстистыми лапами.

– Ой, только не надо, пожалуйста, уходить! – закричали дети. – Расскажи нам лучше еще про время, когда люди ели на завтрак мегатериумов! Тот мир был похож на этот?

Существо перестало рыть.

– Решительно не похож. Там, где я жил, почти все вокруг было покрыто песком, на деревьях рос уголь, а барвинки распускались размером с чайники. Вы и теперь можете их здесь найти, только это теперь уже не цветы, а окаменелости. Мы, эльфы, обитали тогда на берегу. Дети являлись к нам со своими маленькими кремниевыми лопатами и кремниевыми ведерками и строили для нас замки, чтобы мы могли в них жить. С той поры утекло много тысячелетий. Но, как я слышал, дети доныне строят песчаные замки. Очень трудно избавиться от привычки.

– Но тогда почему же вы перестали жить в замках? – спросил Роберт.

– Это очень трагическая история, – помрачнел Саммиад. – Дети делали вокруг замков рвы, и подлое гнусное море их наполняло своей водой. Эльф от нее промокал, сваливался в жестокой простуде, и она большей частью заканчивалась для него смертельным исходом. Мы уходили один за другим, и скоро людям стало уже трудно найти кого-то из нас для своих желаний. Когда же удача им улыбалась, они заказывали намного больше, чем прежде и чем им хотелось. Ведь после могло пройти много недель, пока они вновь отыщут кого-то из нас.

– И ты тоже когда-нибудь намокал? – любопытствовал Роберт.

Песчаный эльф содрогнулся.

– Только однажды. Вода мне попала на самый кончик двенадцатого волоска левого уса. До сих пор начинаю там чувствовать боль, когда наступает сырая погода. Этой беды для меня было достаточно. Едва солнечные лучи подсушили мой бедный усик, я убежал на самый край пляжа, чтобы там обустроить себе жилище глубоко в теплом сухом песке. Здесь вот и обитаю, как видите, по сию пору. Да и море потом поменяло свое местожительство. Все. Больше я вам рассказывать ничего не стану.

– Ну, ответь хоть еще на один вопрос, – попросила Антея. – Ты теперь тоже можешь желания исполнять?

– Разумеется, – отвечало им существо. – Я же твое-то исполнил всего каких-нибудь несколько минут назад. Ты попросила, чтобы я вышел, и вот я здесь.

– Ой, а можно нам попросить еще одно желание? – попытала счастья она.

– Да, но только скорее. А то я от вас устал, – строго произнесло существо.

Вы, конечно, и сами не раз задумывались, что хотели бы попросить у подобного существа, если у вас бы возникла такая возможность. И старик со старухой из сказки про «Черный пудинг», профукавшие свои три желания, представляются вам людьми ограниченными и презренными. Сами-то вы прекрасно знаете, что вам нужно, и нипочем бы не упустили свой шанс.

И пятеро детей совершенно в этом не сомневались, однако сейчас не могли ничего придумать.

– Поторопитесь, – сердито буркнул песчаный эльф.

Антея вспомнила одну мечту, которая у них с Джейн была на двоих. От братьев они держали ее в секрете, потому что она бы им наверняка не понравилась. Но это все-таки было лучше, чем ничего. И так как братья по-прежнему молча тарасились на существо, Антея выпалила:

– Мне бы хотелось, чтобы мы все стали прекрасны, как ясный день!

Дети внимательно поглядели друг на друга, но с их внешностью все оставалось по-прежнему. Существо же выпучило телескопические глаза и, шумно втянув в себя воздух, вдруг начало раздуваться, пока не стало вдвое шерстистей и толще. Затем оно продолжило выдохнуло и, приняв прежний вид, смущенно проговорило:

– Боюсь, ничего не выходит. Похоже, я растренировался.

Дети остались ужасно разочарованы.

– Ой, попробай еще, – попросили они.

– Что же, – смилостивилось оно. – Я, в общем-то, экономил силы, чтобы исполнить по желанию для каждого из вас. Но если вы ограничитесь только одним на сегодняшний день, то, смею предположить, оно мне удастся. Вас устраивает такое условие?

– Конечно! – воскликнули разом Антея и Джейн, а мальчики просто молча кивнули.

Существо опять выпучилось и начало раздуваться и раздуваться.

– Надеюсь, оно не причинит себе вред? – беспокоилась Антея.

– Вообще-то вполне может лопнуть, – встревожился в свою очередь Роберт.

Поэтому все вздохнули с большим облегчением, когда песчаный эльф, раздувшись до такой степени, что заполнил собою почти всю ширину австралийской ямы, с шумом выпустил воздух и вернулся в прежний размер.

– Все в порядке, – пропыхтел он. – А завтра я уже легче справлюсь.

– Тебе больно-то не было? – заботливо спросила Антея.

– Только моему бедному усика, – ответило существо. – Но все равно спасибо. Ты очень добрая и заботливая. До свидания. Удачного дня.

И, принявшись остервенело закапываться при помощи рук и ног, оно исчезло в песке. Дети посмотрели друг на друга, и каждый, к немалому своему удивлению, нашел себя в обществе трех незнакомцев.

Какое-то время никто не произносил ни слова, полагая, что пока Саммиад раздувался, сдувался и закапывался, братья и сестры куда-то убежали, а сюда незаметно подкрались какие-то совершенно чужие дети.

– Простите, пожалуйста, – наконец очень вежливо обратилась Антея к Джейн, у которой были теперь огромные голубые глаза и облако ярко-рыжих волос. – Вы нигде здесь случайно поблизости не встречали двух мальчиков и одну девочку?

– Я как раз то же самое собралась спросить у тебя, – ответила Джейн.

Тут Сирилу наконец все сделалось ясно, и он выкрикнул:

– Это же ты! Я дыру узнал у тебя на фартуке. Ты ведь Джейн, правда? А ты Пантера, – перевел он взгляд на Антею. – У тебя тот же самый испачканный носовой платок, который ты никак поменять не вспомнишь, после того как порезала палец. Море мое исчезнувшее! Желание-то исполнилось. А теперь говорите: я тоже теперь такой же красивый, как вы?

– Если ты Сирил, то прежним нравился мне как-то больше, – не стала кривить душой Антея. – Ты с этими золотыми кудрями – вылитый мальчик из хора. Ну, как будто ты долго не проживешь, а отправишься на тот свет совсем молодым. А Роберта, если это, конечно, он, новая черная шевелюра превратила прямо в какого-то итальянского шарманщика.

– А вы обе похожи на рождественские открытки, – обиделся Роберт. – Такие, знаете, очень глупые рождественские открытки. И волосы у тебя, Джейн, теперь рыжие, как морковь. Вот.

Волосы у нее и впрямь отличались тем самым венецианским оттенком, который так завораживает живописцев.

– Нечего друг у друга искать недостатки, – вмешалась Джейн. – Лучше давайте скорее возьмем Ягненка и поторопимся на обед. Вот увидите, что прислуга начнет восхищаться нами.

Малыш как раз пробудился от долгого сна, и они с большим облегчением обнаружили, что он не стал прекрасен, как ясный день, а вполне себе оставался в своем прежнем облике.

– Видимо, на таких маленьких желания не распространяются, – предположила Джейн. – В следующий раз надо о нем Саммиаду особо напоминать.

Антея раскрыла объятия, намереваясь взять на руки малыша.

– Иди же к своей Пантере, мой лапочка.

Антея была любимой сестрой Ягненокка, но сейчас он, окинув ее осуждающим взглядом, оскорбленно засунул в рот облепленный песком палец.

– Ну же, иди, – повторила она.

– Уходи, – ответил малыш.

– Тогда иди, маленький, к своей Кисе, – предложила Джейн.

– Не Киса! – в отчаянии покачал головой Ягненочек, и губы его задрожали.

– Ну-ка давай, ветеран, – согнувшись, подставил ему спину Роберт. – Прокатишься с ветерком на закорках у братца.

– Пахой, пахой майчик! – панически от него отмахиваясь, взвыл малыш с таким видом, будто действительность вдруг повернулась к нему самой кошмарной своей стороной.

В отчаянии посмотрев друг на друга, они содрогнулись. Потому что вместо привычных, веселых, дружеских глаз и лиц на них взирали, может быть, и прекрасные, как ясный день, но совершенно холодные и чужие глаза незнакомцев.

– Это просто какой-то кошмар, – сказал Сирил после того, как попробовал все же поднять Ягненочка, который при этом царапался, словно дикая кошка, и ревел, как разгневанный бык. – Видимо, нам сперва придется с ним подружиться. Не могу я его тащить, пока он не перестанет орать. Нет, ну подумайте, дикость какая. Мы стараемся подружиться с нашим собственным младшим братом!

Но, сколь ни глупо это звучало, им волей-неволей пришлось налаживать с ним отношения.

Переговоры были нелегкими и заняли целый час, ибо вдобавок к испугу Ягненочка мучил поистине львиный голод, и пить он хотел не меньше, чем путник в пустыне, а подобные обстоятельства, как известно, не улучшают характер.

Наконец он все-таки снизошел до просьб четверых незнакомцев, нехотя им позволив нести себя на руках домой, однако в объятия заключать их не стал, и они, пыхтя, волокли по очереди тяжеленный безвольный куль.

– Ну, вот мы и дома, – выдохнула облегченно Джейн, открывая железную калитку.

Дети сразу заметили няню Марту. Приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы солнце ей не слепило глаза, она глядела с тревогой в их сторону.

– Бери малыша, – сказали они.

Марта резким движением выхватила его.

– Ну, слава богу, с ним все в порядке. Но где остальные? – с подозрением поглядела она на старших сестер и братьев. – И вы сами-то, интересно, кто будете?

– Мы – это, естественно, мы и есть, – ответил ей Роберт.

– Ну а кто же тогда мы сами-то будем, когда дома у себя сидим? – усилилась подозрительность в глазах Марты.

– Тебе уже было сказано: это мы, только мы сегодня прекрасны, как ясный день, – попробовал объяснить ей Сирил. – Я – Сирил, а со мной остальные, и все мы очень голодные. Так что пусти нас в дом и перестань говорить глупости.

Марту нахальство Сирила вывело из себя, и она попыталась захлопнуть перед его носом дверь.

– Я понимаю, конечно, что мы сейчас выглядим по-другому, – решила Антея сгладить нахальство брата вежливым обращением. – Но я правда Антея, и мы все устали и в самом деле ужасно голодные, а время обеда давно прошло.

– Ну и валяйте к себе домой. Можете там хоть обедать, хоть что другое, – не смягчили ее слова Марту. – А коли водите дружбу с нашими и это они подучили вас таким шуточкам, так им и передайте: вернутся, получают чего заслужили. Пусть это им будет известно.

Дверь захлопнулась. Сирил изо всех сил задергал дверной колокольчик. Безрезультатно. Только кухарка, высунувшись из окна спальни на втором этаже, закричала:

– Если не уберетесь живо отсюда, я вызываю полицию!

Оконная рама с грохотом опустилась.

– Бесполезно, – пожала плечами Антея. – Давайте лучше и впрямь поскорее отсюда уйдем, пока нас в тюрьму не отправили.

Братья сказали, что все это ерунда и в Англии нет такого закона, согласно которому можно арестовать людей за одну лишь прекрасную, как день, внешность, однако тоже потопились выйти следом за сестрами на дорогу.

– Очень надеюсь, что после захода солнца мы снова станем такими, как прежде, – сказала Джейн.

– Ну уж не знаю, – мрачно проговорил Сирил. – Со времен мегатериумов в мире многое изменилось.

– Ой, – испугалась Антея. – А вдруг мы, как эти самые мегатериумы, к вечеру превратимся в камни, и к утру от нас вовсе ничего не останется.

Она заплакала, а за ней – и Джейн, и даже у мальчиков побледнели лица. Остаток дня для них выдался хуже некуда. Говорить ни о чем не хотелось. Соседей поблизости не было, и это лишало детей возможности попросить хоть кусочек хлеба или стакан воды. Идти же в деревню им представлялось опасным, потому что, во-первых, они увидели, как туда пошла Марта с корзинкой, а во-вторых, там был местный констебль. Да, они были прекрасны, как ясный день, но это слабое утешение, когда вы измучены голодом, как заблудивший в лесу охотник, и так давно не пили воды, что ваши внутренности напоминают пересохшую губку.

Трижды они совершенно тщетно пытались привлечь внимание прислуги из Белого Дома, надеясь, что они выслушают их историю и разрешат им войти. Затем Роберт решил обойти дом с тыла и проникнуть внутрь сквозь одно из открытых окон, чтобы отворить дверь остальным. Но окна первого этажа располагались слишком высоко от земли, и, пока он пытался до них достать, его заметила уже вернувшаяся из деревни Марта, которая, окатив его с верхнего этажа водой, проорала:

– Вон отсюда, мелкая маленькая итальянская обезьяна!

Все способы были исчерпаны. Дети уселись рядышком под кустом и, опустив ноги в пересохшую от жары канаву, начали ждать, когда наконец зайдет солнце. Станут ли они после этого самими собой или обратятся в камни? Тревожные мысли усиливали ощущение одиночества. Потому что, хоть голоса у них сохранились прежние, лица были настолько прекрасны, что смотрели они друг на друга с большим отвращением.

– Не верю, что мы превратимся в камни, – нарушил продолжительное и тягостное молчание Роберт. – Песчаный эльф ведь сказал, что завтра выполнит новые наши желания. А как же он это сделает, если мы уже сегодня станем камнями?

– Ну да, – согласились остальные, однако слова его их не сильно утешили.

И снова повисло молчание. Еще более продолжительное и тягостное, чем прежде. А потом Сирил сказал:

– Не хочу, девочки, вас пугать, но вроде со мной уже началось. У меня совершенно нога онемела, значит, я превращаюсь в камень. И вы тоже, наверное, скоро станете превращаться.

– Не обращайтесь внимания, – как-то очень по-доброму произнес Роберт и, поглядев на прекрасное, как ясный день, лицо брата, с большим оптимизмом добавил: – Вдруг камнем из нас из всех должен стать только ты один, а мы будем в полном порядке? Но ты не расстраивайся. Мы и каменного тебя окружим вниманием и заботой и гирляндами свежих цветов тебя будем увешивать.

Впрочем, как вскоре выяснилось, нога у Сирила онемела просто по той причине, что он очень долго сидел, подвернув ее под себя. И когда она начала с весьма ощутимым покалыванием отходить, сестры и брат рассердились.

– И зачем было нас пугать, – возмущенно проговорила Антея, после чего они погрузились в самое тревожное, самое угрюмое и самое продолжительное молчание, которое было в итоге нарушено репликой Джейн:

– Если на этот раз уцелеем, надо обязательно попросить Саммиада, чтобы, каким бы ни было наше желание, никто из прислуги бы ничего не заметил.

Остальные лишь вяло хмыкнули. Тревога заполнила их целиком и полностью, не оставляя места даже для очень правильных и хороших решений.

Холод, страх и растерянность – явления, – скажем прямо, совсем не приятные, объединившись, достигли эффекта вполне положительного, и усталые дети забылись в спасительном сне. Они лежали рядом, смежив прекрасные, как ясный день, глаза и раскрыв прекрасные, как ясный день, рты. Первой проснулась Антея. Увидев, что солнце село и на землю спускаются сумерки, она с силой себя ущипнула. Тело пронзила боль, но это ей принесло только радость, потому что она почувствовала себя не каменной, а вполне живой и мягкой. Она начала щипать остальных, и они оказались такими же мягкими, как она сама.

– Проснитесь! Проснитесь! – Ее охватила такая радость, что она чуть не плакала. – Мы не каменные! И... – захлебнулась она от восторга. – Ой, Сирил, какой же ты стал хороший и некрасивый, весь в своих старых веснушках, с коричневыми волосами и маленькими глазами! И вы все тоже теперь такие, как прежде, – торопливо проговорила она, чтобы они не стали завидовать Сирилу.

И, конечно же, все немедленно устремились домой, где Марта, сначала сильно их отругав, рассказала про незнакомых детей.

– Внешне писанные красавчики, замечу я вам, но такие нахалы!

– Точно, – подтвердил Роберт, давно познавший на собственном опыте, что любые попытки разуверить в чем-либо Марту кончаются полным провалом.

– Вас-то самих где все это время носило? – осведомилась она.

– На аллее, – был краткий ответ.

– Отчего ж не вернулись, когда положено? – не отставала Марта.

– Никак не могли из-за них, – подчеркнуто жалобным голосом проговорила Антея.

– Из-за каких-таких них? – пытливо взглянула на нее няня.

– Детей, прекрасных, как ясный день, – пояснила Антея. – Они продержали нас до самого заката. И мы ничего не могли поделать, пока им самим не понадобилось идти домой. Ты даже представить себе не можешь, как мы ненавидим их. Ой, дай нам скорее поужинать. Мы такие голодные!

– Голодные, – сердито передразнила Марта. – Немудрено, коль на улице целый день проболтались. Теперь хоть, может, зарубите у себя на носах, что нечего связываться с чужими. От таких вообще заразиться можно. Вдруг они сюда прибыли после какой-нибудь кори. Вот как в другой раз увидите их, даже не вздумайте разговаривать, а скажите мне. Уж я-то им красоту подпорчу.

– Если увидим, то обязательно скажем, – с легким сердцем пообещала Антея.

А Роберт, умильно уставившись на солидный кусок холодной говядины, который внесла в это время кухарка, от чистой души прошептал:

– Только мы постараемся никогда больше их не увидеть.

И дети действительно больше ни разу с ними не встретились.

Глава 2

Золотые гиней

Под утро Антее приснилось, будто она идет под проливным дождем по зоологическому саду. Зонтика при ней нет, лицо совершенно вымокло под холодными струями. Звери, с несчастным видом взирая на непогоду, мрачно рычат... Пробуждение унесло один лишь зоологический сад, а рык и дождь продолжались. Рычала, вернее храпела, спящая Джейн, у которой от небольшого насморка заложило нос. А холодные капли падали на лицо Антеи с мокрого края банного полотенца, которое ее брат Роберт целенаправленно и старательно выжимал, стремясь, по его собственному объяснению, поскорее ее разбудить.

– Ой, прекрати! – весьма сердито осадил его она.

И он прекратил, ибо не был жестоким братом, хотя и отличался весьма изощренной изобретательностью по части разных милых задумок вроде хитроумного объединения простыни с одеялом, после которого кто-нибудь из ближайших родственников мог распрощаться с возможностью засунуть под него ноги, и прочих приятностей, вносящих в жизнь окружающих столько радости и разнообразия.

– Я видела такой странный сон, – начала Антея.

– Я тоже, – резко вдруг пробудилась мгновенье назад храпевшая Джейн. – Я видела, будто мы все обнаружили в гравийном карьере песчаного эльфа, он сказал, что его зовут Саммиад и мы можем ему загадывать каждый день желания и...

– Но то же самое ведь приснилось и мне, – перебил ее Роберт. – Как раз вам хотел рассказать. Мы загадали ему желание, и оно исполнилось. Но так как у вас в тот момент, девочки, мозги совершенно отшибло, то вы пожелали, чтобы он сделал всех нас прекрасными, как ясный день, и получился из этого сплошной ужас.

– Ничего не понимаю, – с растерянным видом выслушала его Антея. – Не может ведь разным людям присниться одновременно одно и то же, – продолжала она, садясь на постели. – Но я перед зоопарком и проливным дождем именно это и видела. И еще в моем сне Ягнечок нас не узнал, а слуги выгнали нас из дома, потому что мы стали совсем другими.

– Советую тебе, Роберт, поторопиться, – послышался в это время с лестничной площадки голос старшего брата. – Иначе опять опоздаешь к завтраку. Или опять, как во вторник, собрался пренебречь ванной?

– Да не пренебрегал я во вторник никакой ванной, – заспорил Роберт. – Просто принял ее после завтрака в папиной гардеробной, потому что к этому времени в нашей уже воды не было.

– Знаешь, Сирил, – сказала Антея, когда он полуодетый показался в дверном проеме. – Нам всем троим сегодня приснился совсем одинаковый сон про песчаного эльфа, которого мы откопали в карьере.

Она осеклась под презрительным взглядом старшего брата.

– Приснилось? – бросил высокомерно он. – Ну вы и маленькие глупыши! Это не сон, а чистая правда. Могу с полной ответственностью подтвердить: все, о чем ты сказала, с нами на самом деле произошло. Потому мне и хочется побыстрее справиться с завтраком, а потом сразу пойти в карьер. Загадаем песчаному элфу новое желание. Только прежде нам надо решить, каким оно будет. И если хотя бы один из нас воспротивится, просить об этом запрещено. Мне вот, например, совершенно больше не нужно красоты, как ясный день. Вчера уже ей на всю жизнь наслаждался.

Антея, Роберт и Джейн спешно начали одеваться, и рты у них были при этом разинуты от изумления. Неужели песчаный эльф им и впрямь не приснился?

Джейн сразу поверила Сирилу, а у Антеи еще оставались сомнения, которые, впрочем, тут же исчезли, после того как Марта вновь стала им выговаривать за вчерашние, по ее выражению, фокусы.

– Потому что, – как объяснила Антея, – прислуге никогда ничего не снится, кроме того, что написано в соннике. Ну там всякие змеи, устрицы или свадьбы, которые видишь на самом деле к похоронам, вероломству близкой подруги или к рождению младенца.

– Кстати, о младенцах, где наш Ягненок? – поинтересовался Сирил.

– Марта его собирает взять с собой в Рочестер повидаться с ее кузинами, – было известно Джейн. – Мама ей это позволила. Так что сейчас она его одевает. В самое, между прочим, лучшее пальтишко и шляпу. Передайте мне хлеб и масло, пожалуйста.

– Похоже, ей нравится его брать с собой, – оставался по этому поводу в полном недоумении Роберт.

– Слугам нравится брать к своим родственникам хозяйских детей, – сказал Сирил. – Особенно если на них надеты лучшие вещи.

– По-моему, они там притворяются, будто это их дети, они сами замужем за благородными герцогами с очень высоким положением в обществе, а значит, эти младенцы – маленькие герцоги и герцогини, – принялась с задумчивым видом развивать тему Джейн, одновременно делая себе еще один бутерброд с маслом и джемом. – Полагаю, что именно так все Марта своим кузинам и скажет, и это доставит ей огромное удовольствие.

– Сомневаюсь, что ей доставит такое уж удовольствие тащить на себе нашего юного герцога до самого Рочестера, – хмыкнул Роберт. – То есть наверняка не доставит, если мы с Мартой хоть в чем-то похожи.

– Да мне просто жутко делается от одной только мысли, что надо пилить до Рочестера с Ягненком на спине, – поддержал его Сирил. – То еще счастье.

– Так она ведь в повозке туда поедет, – внесла ясность Джейн. – Давайте-ка мы их проводим. Во-первых, это будет такой вежливый и хороший поступок. А во-вторых, мы убедимся наверняка, что действительно избавимся от них на целый день.

И они проводили их. Марта надела свое выходное платье лилового цвета двух оттенков и такое тугое в груди, что это вынуждало ее горбиться. Голову няни увенчивала синяя шляпа с розовыми васильками и белой лентой, а шею обхватывал воротник из желтых кружев, повязанный зеленым бантиком. Ягненка она действительно облачила в самое лучшее его пальтишко из тонкого кремового шелка и в летнюю шляпку. Дети дошли с этой крайне эффектной парочкой до перекрестка, где она загрузилась в подъехавшую повозку, и потом еще подождали, пока красные колеса и белый парусиновый тент не скрылись в облаке меловой пыли.

– А теперь к Саммиаду, – скомандовал Сирил, и они поспешили туда.

В пути они обсуждали желание. И хоть очень спешили, не пытались скатиться по склону карьера, а спустились в него по безопасной нижней дороге, словно были повозками. Место, где закопался вчера песчаный эльф, они предусмотрительно обложили камнями, и найти его теперь не составило никакого труда.

Солнце жарко сияло на голубом безоблачном небе, и песок под его лучами раскалился, как сковородка. Лопаты дети вчера запрятали здесь же, присыпав песком, и когда извлекли их на свет, Роберт на них поглядел без малейшего воодушевления.

– А может, это был и впрямь только сон, – совсем не хотелось ему копать.

– А может, это все-таки ты у нас такой хитрый парень и просто не хочешь копать? – сердито глянул на него Сирил.

– Думай, что говоришь, – огрызнулся брат.

– Полагаю, они предоставили честь поработать лопатами девочкам, – хихикнула Джейн. – Нашим бедненьким братьям, наверное, слишком жарко.

– Вам бы лучше не лезть, куда вас не просят, – все сильнее горячился Роберт как от жары, так и от насмешек в свой адрес.

– Ой, да не собираемся мы ни во что лезть, – поторопилась его успокоить Антя. – И совершенно зря ты на нас рассердился. Мы больше вообще ни слова тебе не скажем. И с эльфом сам разговаривай. Скажешь ему, что мы сегодня хотим пожелать. У тебя это выйдет лучше, чем у любого из нас.

– А может, ты прекратишь подлизываться? – буркнул Роберт, но уже не сердито. – Внимание. Теперь надо копать руками.

Они дружно взялись за дело и вскоре увидели лохмато-коричневое паучье тельце, лохматые длинные ручки и ножки, уши как у летучей мыши, улиточные глаза и, естественно, самого песчаного эльфа. Все четверо облегченно и радостно выдохнули, ибо только теперь окончательно убедились, что это действительно был не сон.

Саммиад сел и принялся тщательно вытряхивать песок из шерсти.

– Как сегодня чувствует себя твой левый усик? – заботливо осведомилась Антя.

– Да особо похвастаться не могу, – меланхолично проговорило существо. – Весьма беспокойная выдалась ночь. Но все равно очень тронут твоим вниманием.

– А к нашим желаниям ты сегодня готов? – спросил Роберт. – Потому что нам, кроме ежедневного, потребуется еще одно. Правда, оно совсем маленькое, – поторопился он успокоить существо.

– Хм-ф, – отозвался эльф. (Если вы читаете эту историю вслух, то, пожалуйста, произносите именно «хм-ф», потому что он именно так и сказал.) – Хм-ф, – повторил Саммиад. – Видите ли, пока я не услышал, как вы ссоритесь над моей головой, да еще так громко, меня не оставляли подозрения, что все вчерашнее попросту плод моих сновидений. Мне часто приходится видеть весьма-таки странные и прелюбопытные сны.

– Как интересно! – воскликнула Джейн, стараясь скорее его увести от темы их ссоры. – Мне бы так хотелось, чтобы ты рассказал нам о них. Уверена, что они совершенно необычайные, – крайне почтительным тоном добавила она.

– Правильно ли я понял, что это ваше желание на сегодняшний день? – зевнул эльф.

Сирил с досадой пробормотал нечто вроде того, что «эти девчонки вечно все портят», а остальные вообще промолчали. Ведь скажи они «да», и прощай те желания, о которых они собирались сегодня его попросить, а «нет» прозвучало бы очень невежливо. Ведь их как-никак обучали хорошим манерам, и хотя учиться чему-нибудь и знать, как известно, – не одно и то же, но кое-что из подобных уроков они все же усвоили. А потому испытали сильное облегчение, когда Саммиад сказал:

– Если я выполню эту просьбу, то сил на второе ваше желание у меня не хватит. Даже если это окажется хорошее настроение, радушность, вежливость и прочая чепуха.

– Но мы совсем не хотим, чтобы ты себя на такое тратил, мы уж это как-нибудь сами сумеем, – с радостным видом произнес Сирил, а остальные переглянулись. По их мнению, лучше бы уж существо вместо этих намеков на вежливость и радушие просто сделало бы им один выговор, чтобы в дальнейшем об этом больше не вспоминать.

– Ну что ж, – произнес Саммиад и так резко выбросил вперед глаза, что один из них едва не попал в глаз Роберту. – Давайте сперва разберемся с вашим маленьким желанием.

– Нам надо, чтобы прислуга не замечала то, что ты нам даешь, – сказал Роберт.

– Так любезен, что нам даешь, – шепотом поправила брата Антя.

– Ну да, я именно и хотел сказать: так любезен, что нам даешь, – в точности повторил подсказку он.

Существо чуть раздулось, выдохнуло и произнесло:

– Это я для вас сделал. Невероятно просто. Впрочем, люди и так мало что замечают. Ну, а следующее желание?

– Мы хотим, – медленно начал Роберт, – стать богаче, чем можно представить даже в мечтах.

– Это алчность, – отметила Джейн.

– Она и есть, – подтвердил эльф. – И могу утешаться лишь тем, что не принесет вам ничего хорошего, – тихо пробормотал он себе под нос, а затем уже громко добавил: – Только я не могу сделать больше, чем можно представить в мечтах. Поэтому назови, сколько ты именно хочешь. И в каком виде – золотом или банкнотами?

– Золотом, пожалуйста, и миллионы, – потребовал Роберт.

– Если я этот карьер наполню, тебе будет достаточно? – бросил небрежно песчаный эльф.

– О, да, – подтвердил Роберт.

– Ну, тогда выбирайтесь скорее отсюда, иначе будете погребены в золоте, – предупредил Саммиад.

И он так вытянул свои тощие лапки и столь угрожающе начал ими махать, что дети стремглав побежали к дороге. Но несмотря на спешку, Антея, все-таки вспомнив о вежливости, крикнула на бегу:

– Удачного тебе дня! Надеюсь, твоему усику завтра станет гораздо лучше!

Достигнув дороги, дети остановились и обернулись, после чего им тут же пришлось зажмуриться, а затем медленно и с большими предосторожностями снова открыть глаза, ибо карьер сиял не менее ослепительно, чем полуденное солнце в период летнего равноденствия. Он доверху был наполнен новенькими золотыми монетами, и за их блеском исчезли из виду даже входы в ласточкины гнезда. А там, где дорога для повозок сворачивала в карьер, золото было разбросано кучками, словно камни на обочине. И этот огромный склон, покрытый слепяще-сияющим золотом, спускался сверху, где был совершенно плоским и гладким, до самого дна карьера. Вся эта масса червонного золота переливалась и блестела под солнечными лучами, и карьер теперь походил на огромное жерло плавильной печи или на дворец феи, который можно порой разглядеть на закате солнца в вечернем летнем небе.

Дети застыли, разинув рты и не в силах произнести ни слова.

Первым пришел в себя Роберт. Он наклонился и, подхватив одну из монеток, начал ее разглядывать сперва с одной, а затем с другой стороны. А затем сиплым и словно бы не своим голосом произнес:

– Это не соверены. Они на них не похожи.

– Да, – пригляделся к монете и Сирил. – На них с одной стороны голова мужчины, а с другой что-то вроде туза пик. Но это ведь все равно золото.

Тут все четверо радостно оживились и принялись черпать монеты горстями. Они, как песок, просыпались у них сквозь пальцы обратно на землю, и перезвон их звучал в их ушах как чудесная музыка. И так замечательно было просто ими поигрывать, что они как-то даже забыли, сколько желаний могут теперь с их помощью осуществить. Джейн улеглась меж двух сияющих горок, и Роберт начал ее закапывать в золото, как вы закапываете, к примеру, песочком своего папу, заснувшего на морском берегу с газетой в руках. Не успел он, однако, справиться с этим даже наполовину, как сестра принялась кричать:

– Перестань! Перестань! Мне больно! Они раздавят меня!

– Чушь, – не остановился Роберт.

– Выпусти, выпусти же меня! – впала в панику Джейн, и когда ее откопали, лицо ее было бледно, а руки и ноги даже немного тряслись. – Вы даже не представляете, как это жутко, – начала объяснять она. – Ну, будто бы вас завалило камнями или вы все целиком цепями обмотаны.

– Слушайте, – первым опомнился Сирил. – Полюбовались, и хватит. Если мы собираемся извлечь из этого хоть какую-то пользу, надо срочно идти за покупками. Не забывайте: к закату от наших сокровищ ничего не останется. Эх, жалко не догадались у Саммиада спросить, какие вещи не превращаются в камень. Но я придумал, что мы сейчас с вами сделаем. В деревне есть пони с пролеткой...

– Ты что, купить их собрался? – перебила его Джейн.

– Нет, глупыш, просто нанять, – объяснил он. – Доедем в пролетке до Рочестера, там и накупим кучу всего. Давайте-ка каждый из вас возьмет столько монет, сколько сможет нести, – и в путь. Только больше не тратьте время на разговоры. Поболтать можем и по дороге. – И с этими словами он принялся сосредоточенно набивать карманы золотом. – Вот вы все надо мной смеялись, когда я уговорил папу, чтобы мне сшили бриджи с девятью карманами, – не отрываясь от дела, проговорил он. – Зато теперь можете убедиться, насколько я был дальновиден.

И они убедились в тот самый момент, когда Сирил, набив монетами все девять брючных карманов, и котомку, которую соорудил из носового платка, и все пространство между рубашкой и собственным телом, попробовал встать, но его тут же так сильно качнуло, что он вынужден был немедленно вновь опуститься на землю.

– Сбрось, капитан, часть груза на сушу, иначе потопишь корабль, – посоветовал Роберт. – Вот именно это и происходит, когда в брюках чересчур много карманов.

И Сирилу волей-неволей пришлось внять совету младшего брата, после чего он смог, наконец, распрямиться, и все четверо устремились к деревне. Путь до нее от карьера занимал не более мили, но дорога была очень пыльная, солнце палило все жарче, а золото в их карманах делалось с каждым шагом все тяжелее и тяжелее.

Первой не выдержала Джейн:

– У нас с вами с собой сейчас тысячи фунтов. Не представляю, как мы их все сможем потратить. Поэтому лично я оставлю сейчас хоть часть вот в этом дупле, – указала она на старый кряжистый граб. – А в деревне мы первым делом купим печенье, потому что время обеда давно прошло. Какие же они кругленькие и красивые, – пряча в дупле две горсти монет, причмокнула языком она. – Вот если бы они были пряниками, вам бы не захотелось их съесть?

– Только они не пряники, и мы есть их не собираемся, – осадил ее Сирил. – Пошли.

И они тяжело и устало продолжили путь. И еще несколько дупел деревьев, которые крайне кстати встречались им по дороге, обогатились кладами. Но все равно, когда дети достигли деревни, у них в карманах лежало еще с двенадцать сотен гиней, хотя, поглядев на них, вряд ли кто-нибудь мог заподозрить, что они обладают средствами более чем в полкроны.

Над крышами деревенских домов висело в дрожащем от жары мареве облако голубовато-прозрачного древесного дыма. Усталые дети тяжело опустились на первую же скамейку, которую увидели. А находилась она у входа в харчевню «Синий ветер».

Обсудив ситуацию, они решили, что внутрь пойдет Сирил.

– Потому что, – сказала Антея, – мужчинам, в отличие от детей, позволено заходить в питейные заведения, а Сирил из нас самый старший и, значит, ближе всего к мужчине.

И он пошел, а остальные остались его дожидаться на раскаленной от солнца скамейке.

– Ой, шляпа моя дорогая, до чего жарко, – тяжело пропыхтел Роберт. – Собаки в подобных случаях языки наружу высовывают, и им вроде становится легче. Давайте мы тоже попробуем.

– Можно, – ответила Джейн.

Они разом высунули языки с такой силой, что закололо в горле, но им от этого лишь сильнее захотелось пить, а вид их стал вызывать весьма сильное раздражение у прохожих,

и они их убрали обратно. И произошло это именно в тот момент, когда Сирил принес имбирный лимонад.

– Пришлось мне расплачиваться собственными деньгами, на которые я собирался приобрести кроликов, – с досадой сообщил он. – Они там, видите ли, не захотели разменивать золото, а бармен, стоило мне из кармана вытащить горсть монет, вообще заявил, что это у меня просто фишки. Зато я взял из стеклянных банок, которые там стоят на прилавке, немного бисквитов и печенья с тмином.

Бисквиты оказались хоть и мягкие, но недостаточно сочные, а печенье, наоборот, было хоть хрустким, но каким-то чересчур мягким, но все недостатки этих продуктов с лихвой компенсировал великолепный имбирный лимонад.

– Ну, так как я следующая из вас по старшинству, настала очередь мне попытаться что-нибудь приобрести на наше золото, – объявила утолившая жажду и голод Антея. – Где, ты сказал, здесь держат пони с пролеткой? – повернулась к Сирилу она.

– В «Чекерсе», – последовал его краткий ответ.

Антея проникла туда с тыла, ибо все они знали, что девочкам не полагается заходить на постоянные дворы, и возвратилась к сестре и братьям вполне довольной и гордой собой.

– Он с меня взял одну золотую монету за то, чтобы отвезти нас в Рочестер, там подождать, пока мы все купим, а потом отвезти обратно, и говорит, что скоро будет готов. По моему, я хорошо справилась.

– Считаешь себя очень умной? – уныло проговорил Сирил. – Но как же тебе удалось?

– Ну, я, конечно же, не была такой умной, чтобы додуматься вытащить горсть золотых, которые там сочтут игральными фишками, – ехидно проговорила она. – Мне просто сначала попался там молодой человек, который что-то делал с лошадиной ногой при помощи воды и губки. Я показала ему монетку и спрашиваю: «Вы знаете, что это?» Он ответил, что нет, и кликнул отца. А старик посмотрел и сказал, что это старинная гинея, и коли уж я умудрилась ее где-то выкопать, то теперь вольна распоряжаться ей как угодно. Ну и тогда я ему эту гинею и предложила в уплату, если он отвезет нас в Рочестер. И он согласился.

Проехаться с ветерком в щегольской пролетке по живописным загородным дорогам было для всех четверых детей совершенно новым и к тому же приятным ощущением (что отнюдь не всегда сопровождается новым ощущениям), не говоря уж о том удовольствии, которое каждый из них испытывал, лелея по пути планы покупок в Рочестере. Они их лелеяли молча и про себя, считая, что старому хозяину постоянного двора совершенно незачем слышать, как они рассуждают, словно богачи.

Они попросили его остановиться возле моста.

– Вот если бы вы собрались покупать лошадей с экипажем, то к кому бы здесь обратились? – любопытствовал Сирил, словно бы просто для поддержания разговора.

– К Билли Пизмаршу из «Головы Сарацина», – без малейшего колебания отозвался старик. – Не люблю ничего советовать по поводу лошадей и сам советам ничьим не следую, когда их покупаю, но ежели ваш папаша задумался о покупке, в Рочестере не сыскать человека честнее и обходительнее, чем Билли.

– Спасибо, – поблагодарил Роберт. – Значит, в «Голове Сарацина».

Выйдя из экипажа, дети почти моментально стали свидетелями того, как один из незыблемых законов природы вдруг перевернулся с ног на голову, да так и остался стоять на ней подобно заправскому акробату.

Любой взрослый вам непременно скажет: деньги трудно добыть, но очень легко потратить. С золотом песчаного эльфа все обстояло ровно наоборот. Детям их оказалось очень легко получить, а вот потратить не только трудно, но практически невозможно. Рочестерские торговцы при виде новеньких гиней скукоживались и с кислыми минами объявляли, что на это «нарытое золото» отпускать им товар не станут. Началось все с Антеи, имевшей

несчастье сесть на собственную шляпку. Впрочем, это ее не особенно расстроило. Она просто решила, что купит новую. И увидела почти тут же такую, как ей хотелось, – с розовыми розами и голубыми павлинчиками. Шляпка заманчиво красовалась в витрине магазина, а под ней была надпись: «Модель из Парижа. Цена 3 гинеи».

– Очень удачно, – сказала Антея, – что они указали цену в гинеях. Соверенов-то у нас нет.

Но когда она протянула свои три гинеи рукой, которая к этому времени стала довольно грязной, и это, в общем, не особенно удивительно после рытья без перчаток песка в карьере, молодая дама в черном шелковом платье сперва с подозрением уставилась на золотые монеты, а потом пошла пошептаться с некрасивой дамой постарше, но тоже в черном шелку, после чего возвратила Антее деньги, сказав, что они «несовременные».

– Но все равно это очень хорошие деньги. И они мои, – возразила Антея.

– Посмею заметить, что это не те деньги, которые сейчас в моде, – с чопорным видом произнесла дама в черном. – И мы их принять не можем.

– По-моему, они считают, что мы их украли, – вернувшись на улицу к остальным, поделилась своими соображениями Антея. – Но они бы, наверное, так никогда не подумали, если бы я к ним пришла в перчатках. Причина в моих слишком грязных руках.

И они отправились всей компанией в скромный маленький магазинчик, где девочки подобрали себе по паре хлопковых перчаток ценой шесть пенсов три фартинга и кошелек из зеленой искусственной кожи под крокодила. Продавщица, взглянув сквозь очки на гинею, заявила, что у нее нет сдачи. Сирилу снова пришлось потратить еще часть личных сбережений, которые он копил на приобретение кроликов.

Они заглянули еще в несколько магазинов, где можно было купить духи и игрушки, шелковые носовые платки и книги, изящные коробки с наборами для письма и фотографии окрестных достопримечательностей, однако никто из рочестерских продавцов не соглашался в тот день разменять им гинею. И чем дольше они бродили из одного торгового заведения в другое, тем лица их становились чумазее, а волосы все сильнее спутывались и вздыбливались неровными клочьями. Джейн поскользнулась на мокром участке дороги, где проехавший мимо водовоз пролил воду, и упала в лужу. Всех четверых давно уже мучил голод, но они не могли найти никого, кто согласился бы им продать за их гинеи хоть какую-нибудь еду.

Попытав безуспешно счастья у двух пекарей, они, как предположил Сирил, исключительно под воздействием запаха свежих пирогов заговорщицким шепотом разработали план дальнейшей кампании, согласно которому повели себя в третьей кондитерской. Прежде чем люди возле прилавка и толстый хозяин сумели вмешаться, каждый из четверых схватил по три толстенные булочки, пенни за каждую, сложил их вместе грязными пальцами и откусил от этого трехслойного сооружения по солидному куску. А потом они встали с двенадцатью надкушенными булочками в руках и с набитыми ртами возле прилавка, из-за которого им навстречу вылетел потрясенный и рассерженный хозяин.

– Вот, – постарался как можно членораздельнее произнести жующий Сирил, протягивая ему гинею, – можете вычесть из этого стоимость всего, что мы взяли.

Толстый хозяин, выхватив у него монетку, проверил ее на зуб и молниеносно сунул в карман.

– Вон отсюда, – сурово и кратко скомандовал он.

– А сдача? – спросила Антея, которая никогда не забывала об экономии.

– Сдача? – угрожающе вытаращился на нее хозяин. – Проваливайте-ка лучше отсюда, и поскорее! Иначе такую у меня сдачу узнаете. Скажите спасибо, что я не вызвал полицию. Там-то уж быстро бы выяснили, где вы обзавелись такими деньжатами.

С булочками они разделались в садах замка. Их изумная мягкость и свежесть значительно укрепили им дух, однако сердца всей компании все равно оставались весьма далеки от решимости испытать мистера Билли Пизмарша из «Головы Сарацина» по части покупки экипажа и лошади. Мальчишки были вовсе готовы отказаться от этой идеи, но Джейн оставалась полна надежд на успех и проявила такое упорство, что остальные в итоге сдались.

К этому времени уже грязные до предела, они переместились к «Голове Сарацина», проникнув туда, как и в «Чекерс», со стороны двора. Мистер Пизмарш как раз во дворе и стоял. Вести с ним беседу было поручено Роберту, так как абсолютно во всех книжках лошадей выбирают не дамы, а джентльмены, Сирил же исчерпал свой шанс в «Синем ветре» и больше пытаться удачу сегодня не собирался.

– Мне сказали, у вас тут имеется много пролеток и лошадей на продажу, – начал деловой разговор Роберт.

– И это чистая правда, молодой человек, – подтвердил мистер Пизмарш – высокий худой мужчина с ярко-голубыми глазами и такой тонкой линией губ, словно он их старательно поджимал.

– В таком случае мы не прочь бы у вас купить и то и другое, – вежливо продолжил Роберт.

– Не сомневаюсь, – откликнулся мистер Пизмарш.

– Только вы нам покажите, пожалуйста, несколько, чтобы у нас был выбор.

Мистер Билл посуровел лицом.

– Вы это над кем шутковать удумали? Иль с поручением от кого заявились? – несколько мягче добавил он.

– Совершенно не с поручением, а вот сами. Я же вам объясняю: мы хотим у вас купить пролетку и лошадей. Один человек нам сказал, что вы честный и обходительный, но мне теперь кажется, он ошибся.

– Святые угодники! – проорал мистер Пизмарш. – Мне чего же, теперь всю конюшню сюда пригнать вашей чести для обозрения? А может, еще прикажете человека послать к епископу? Вдруг у него как раз есть сейчас пара старых кляч, от которых он хочет избавиться?

– Ну, если вам это не слишком трудно, пожалуй, – воспринял его слова всерьез Роберт. – Было бы очень любезно с вашей стороны.

Мистер Пизмарш, засунув руки в карманы, громко расхохотался, и смех его детям совсем не понравился.

– Виллем! – крикнул вдруг он.

В дверях конюшни возник скрюченный конюх.

– Глянь-ка, Виллем, на юного герцога, – с издевкой ткнул пальцем в сторону Роберта мистер Пизмарш. – Их светлость, кажись, пожелали скупить всю конюшню мою подчистую, только в карманах его, побьюсь об заклад, и двух пенсов не сыщется.

– Неужто и впрямь? – Скрюченный конюх несколько разогнулся и, проследив взглядом за указательным пальцем хозяина, с презрением посмотрел на Роберта.

Девочки, дергая с двух сторон его за пиджак, шепотом умоляли уйти, но Роберт был очень сердит и ответил:

– Я, между прочим, не юный герцог. И никогда им не притворялся. А вот насчет двух пенсов, то что вы на это скажете? – И он извлек из карманов две полные горсти блестящих гиней, а затем вытянул руки по направлению к мистеру Пизмаршу, предоставляя тому возможность как следует все разглядеть. И мистер Пизмарш как следует разглядел золотые монеты, а одну из них даже, схватив, попробовал на зуб.

Джейн, конечно же, ожидала, что он после этого скажет:

– Лучшая лошадь в моей конюшне к вашим услугам.

Остальные смотрели на ситуацию далеко не с таким оптимизмом, однако то, что произошло в действительности, даже для них явилось совершеннейшей неожиданностью.

– Виллем, закрой-ка ворота во двор, – вдруг коротко бросил честный и обходительный мистер Пизмарш.

Скрюченный конюх с мрачной ухмылкой отправился исполнять приказание.

– Ну, мистер Пизмарш, удачного дня, – торопливо проговорил Роберт. – Думаю, мы сегодня не станем у вас покупать лошадей, даже если вы и предложите самых лучших. Надеюсь, что это станет для вас уроком на будущее.

Он заметил, что маленькая калитка осталась открытой, и, говоря, продвигался по направлению к ней, но Билли Пизмарш вдруг преградил ему путь.

– Осади-ка чуток свою резвость, юный драпун, а ты, Виллем, веди сюда плицию, – проглатывая согласные, бросил он скрюченному конюху.

Тот отправился исполнять приказ. Дети, подобно напуганным овцам, сбились в тесную и настороженную кучку, а мистер Пизмарш, ожидая полицию, держал перед ними странственные речи и умудрился достаточно много всего сказать.

– Хороша же у вас компашка, – проговорил он с большим осуждением среди прочего. – Честных людей своими гинеями искушать надумали?

– Вот именно что своими, – отважился перебить его Сирил.

– Были они свои у кого-то другого, покуда вы их не стибрили, – стоял на своем Билли Пизмарш. – Главное дело, девчонок втянули. Ты лучше слух-ка сюда. Коли вы двое согласны по-тихому топтать в полицию, я девчонок-то даже и отпустить прям сейчас могу.

– Если не отпустите мальчиков, то и нас не надо, – с героическим видом сказала Джейн. – Эти деньги такие же их, как и наши, злобный старик.

– И откуда ж они в таком разе у вас взялись? – отчего-то немного смягчился хозяин, хотя, по мнению мальчиков, должен был, наоборот, обозлиться после того, как Джейн назвала его злобным стариком.

Джейн молча переводила полный страдания взгляд на сестру и братьев.

– Язык проглотила? – явно уверился в собственных подозрениях хозяин постоянного двора. – Как обзывать-то он у тебя был на месте. А потому отвечай-ка живо, где взяли гиней?

– Из гравийного карьера, – сказала честная Джейн.

– Ты мне мозгу-то не заливай, – нахмурился Билли Пизмарш.

– Именно там мы их и нашли, говорю ведь вам, – продолжала Джейн. – Там есть песчаный эльф, весь в коричневой шерсти, с ушами как у летучей мыши и глазами как у улитки. Он выполняет одно желание в день, и они все сбываются.

– Больна на всю голову, – тихо пробормотал Билли Пизмарш. – И тем вам должно быть совестнее, – окинул уничтожающим взглядом он мальчиков. – Убогого ребенка втянули в грабительский промысел.

– Она не больна на голову и сказала вам правду, – вмешалась Антея. – Эльф действительно есть. И если я снова его увижу, то пожелаю чего-нибудь и для вас. Верней, пожелаю бы, но не буду, потому что мстить очень плохо.

– Господь милосердный, прости и помилуй, – простонал Билли Пизмарш. – Еще одна чокнутая.

И тут явился скрюченный Виллем. Губы его кривились в злорадной ухмылке, а рядом с ним шел полицейский, которому Билли принялся хрипло и доверительно что-то шептать.

– Причины для задержания есть, – выслушав его, с важностью заявил полицейский. – Предъявлю-ка я им незаконность владения. Пускай побудут у нас до выяснения обстоятельств. Делом этим займется, конечно же, магистрат. Больных, вероятно, отправят в приют, а мальчишек – в исправительное заведение. Ну, молодняк, за мной, – обратился он к детям. –

Возражений не принимаю. Вас, мистер Пизмарш, попрошу сопровождать девочек, а я уж лично займусь остальными.

Ярость и ужас лишили детей дара речи, и они молча двинулись под конвоем констебля и Билли Пизмарша по улицам города. И так как слезы стыда и злости застилали Роберту взор, он, налетев на шедшую им навстречу женщину, не сразу узнал ее, а опомнился, лишь услышав знакомый голос:

– Ну, чтоб меня! Ой, мистер Роберт, ты чего же это вытворяешь-то, а?

И тут раздался еще один голос, совсем уж знакомый:

– Панти! Хочу к моей Панти!

И это были не кто иные, как Марта с Ягненочком.

Няня держалась с мистером Пизмаршем и полицейским просто великолепно. Она наотрез не поверила их рассказу, когда же они, завернув в подворотню какого-то дома, заставили Роберта вывернуть карманы и показать гиней, заявила:

– Вижу одни только руки ребенка несчастного, все в грязи да саже, будто у трубочиста, но без никаких там гиней. Сдается мне, вы оба спятили, ох, чтоб меня!

Дети сперва были очень растроганы хоть и не слишком честным, но благородным ее поведением, пока им не вспомнилось обещание песчаного эльфа, что слуги не смогут видеть его даров. А если так, то Марта как раз повела себя совершенно честно, но не особенно благородно.

До полицейского участка они добрались, когда уже стало смеркаться. Констебль, конечно же, моментально изложил суть дела инспектору, который сидел один в большой пустой комнате с напоминающей высоченный детский манеж выгородкой в углу, куда отправляли задержанных. Роберт решил потом обязательно выяснить, как это называется, камерой или скамьей подсудимых?

– Предъявите монеты, – потребовал у констебля инспектор.

– Выворачивайте карманы, – потребовал у детей констебль.

Сирила охватило отчаяние, однако, засунув руки в карманы, он сперва изумленно замер, а затем разразился хохотом. Станным и невеселым хохотом, словно он не смеялся, а плакал от боли. Его карманы были пусты, равно как и карманы всех остальных. Ведь солнце уже закатилось, а с ним и золото эльфа исчезло.

– Выворачивай живо карманы и прекрати шуметь, – прикрикнул инспектор.

И Сирил их вывернул. Все девять, которые содержались в его костюме, и каждый из них оказался пуст.

– Ну и ну, – округлились глаза у инспектора.

– И когда ж эти маленькие проныры сбросить-то все ухитрились? – ошеломленно поскреб затылок констебль. – Я ж их все время нарочно перед собой вел и держал в зоне пристального внимания.

– Замечательно, – смерил его неласковым взглядом инспектор.

– Ну, коли вам больше не надо невинных детей дурить, – вмешалась в беседу двух представителей правопорядка Марта, – я прям вот сейчас найму экипаж, и мы с ними поедem домой в особняк их отца. И вы после от нас еще много чего услышите, молодой человек, – с грозным видом пообещала она констеблю. – А ведь говорила ж я вам: нету у их никакого золота. Вот и нечего было прикидываться, будто бы вы его видите в их несчастных невинных маленьких ручках. И все потому как не дело констеблю на службе глаза себе заливать, чтоб потом невесть что мерещилось. Про второго уж и вообще промолчу, – покосилась Марта на Билли Пизмарша. – Он держит «Голову Сарацина» и в спиртном знает толк получше любого констебля.

– Да заберите же ради всего святого своих детей! – взревел инспектор.

Но дети и Марта еще не успели выйти на улицу, когда до них вновь донесся его голос.

– А теперь... – обратился инспектор к констеблю и Билли Пизмаршу, и тон его явно не обещал им приятной беседы.

Возница с повозкой на красных колесах, не дождавшись Марты и малыша, уехал, она же, сдержав обещание, наняла превосходнейший экипаж, в котором все и отправились к дому. И теперь, оставшись наедине со своими питомцами, она, словно забыв, как яростно защищала их в полиции, принялась им сердито читать нотацию, ибо, по ее мнению, они не должны были ходить в Рочестер без сопровождения взрослых. Она до того рассердилась, что ни один из детей не отважился упомянуть о старике с пролеткой, который, наверное, до сих пор ждал их в городе.

После целого дня обладания несметным богатством дети были сразу же по приезде домой с позором отправлены спать, и все их достояние составляли две пары сильно испачканных изнутри о грязные руки хлопковых перчаток, кошелек из зеленой искусственной кожи под крокодила да двенадцать булочек за пенни, которые они давным-давно уже съели.

Больше всего беспокоило их, что гиней, заплаченная старику с пролеткой, на закате солнца исчезла вместе с остальным золотом эльфа. Поэтому на следующий же день все четверо поспешили в деревню, где собирались, во-первых, принести извинение старику, который вчера напрасно прождал их в городе, а во-вторых, выяснить судьбу гиней.

Владелец пролетки их встретил вполне дружелюбно и жизнерадостно. Гиней его не исчезла и находилась при нем. Он проделал в ней дырку и прикрепил к цепочке для часов. Ну, а монетка, оставшаяся у пекаря, детей совершенно не волновала. Может быть, это было и не совсем честно с их стороны, но вполне объяснимо. Правда, Антея даже про пекаря не смогла забыть и, какое-то время поколебавшись, все же отправила втайне от остальных по почте двенадцать марок на его имя, приложив к ним короткое пояснение: «Отплата за булочки». Я лично очень надеюсь, что гиней у этого пекаря исчезла. Человеком-то он был не слишком хорошим. А точно таких же булочек, как дети приобрели у него, в любом порядочном магазине можно целых семь штук закупить всего за шесть пенсов.

Глава 3

Он нужен всем

На следующее утро дети проснулись далеко не в столь сильном воодушевлении, как накануне, когда встреча с песчаным эльфом и возможность загадывать ему каждый день по одному новому желанию, казалось, сулили им самые захватывающие перспективы. Теперь, пробыв целый день обладателями несметного богатства, которое не принесло им ничего, кроме двух пар дешевых перчаток, двенадцати булочек за пенни, кошелька из искусственной кожи под крокодила да возможности прокатиться в пролетке, они приуныли. Ведь и первое их желание стать прекрасными, как ясный день, обернулось сплошными тревогами и неприятностями. Зато появление Саммиада внесло в их жизнь остроту и разнообразие, и им бы совсем не хотелось опять, как прежде, просто существовать от завтрака до обеда и от обеда до ужина. Это было достаточно скучно, да и трапезы отнюдь не всегда оказывались приятными и уж вовсе не были в удовольствие, когда на стол подавали холодную баранину или смесь из мелко нарезанного вчерашнего мяса с овощами.

Дети хотели обсудить вчерашнее приключение перед завтраком, но до того заспались, что сил и времени у них хватило только одеться и, героически поспешая, опоздать в столовую лишь на десять минут. За едой они попытались завести разговор о Саммиаде, но очень трудно всерьез обсудить какую-то важную тему, когда вас то и дело отвлекают гастрономические и другие потребности младшего брата.

А малыш в это утро был крайне активен. Первым делом он умудрился просунуть голову сквозь жерди своего детского стульчика и завис в таком положении с пунцовым лицом, хрипя от удушья, пока его не освободили. Затем вцепился в столовую ложку и от души врезал ей Сирилу по голове. Потом разразился свирепым ревом, когда у него ложку отняли. После чего плюхнулся пухленький кулачок в тарелку с размоченным хлебом и молоком и потребовал «ням-ням» или, точнее, ветчины, которую ему позволяли есть только во время пятичасового чая. Ягненок громко пел. Клал ноги на стол. Канючил, чтобы его пустили «ходить». И по этой самой причине беседа его сестер и братьев проистекала примерно так:

— Я вот что насчет песчаного эльфа считаю... Ой, осторожно! Сейчас он перевернет молоко!

Молоко отодвинули на безопасное расстояние.

— Так вот, про песчаного эльфа... Нет, Ягненок, дорогой, эту ложку нужно отдать Пантере.

— Ни одно из наших желаний не... — попытался было направить беседу в нужное русло Сирил, но немедленно возопил: — Ой, он теперь за горницу схватился!

— Я вот думаю, а не лучше ли нам у него попросить... — начала Антея. — Ой, что же ты делаешь, мальчик мой!

Младенческие ручонки устремились к центру стола, где розовато поблескивала круглая стеклянная емкость, в которой плавал золотой карп, и опрокинули ее на бок, низвергнув на стол и на всех, сидящих за ним, потоки воды. Всех, кроме малыша, это событие страшно расстроило, особенно — рыбку. Когда лужу наконец вытерли, а бьющийся в конвульсиях карп был снова опущен в воду, Марта понесла Ягненька переодеваться в сухое, и остальным тоже пришлось последовать их примеру.

Пиджачки, платья и передники, изрядно промокшие в суверенных водах золотой рыбки, повесили сушиться. Тут-то у Джейн и возникла проблема: либо срочно зашить разорванное вчера при падении платье, либо, пока другое не высохнет, ходить в комбинации. Белая, мягкая, с множеством разных красивых оборочек, она вообще-то, по мнению Джейн,

вполне бы могла исполнить сегодня роль платья, но Марта придерживалась на сей счет иных взглядов. Тщетно Роберт пытался ее убедить, что комбинация эта на Джейн очень даже прилично смотрится, няня была непоколебима.

– Так люди не ходят, – отрезала она.

Слово ее в отсутствие папы и мамы было законом. Надеть выходное платье она тоже Джейн не позволила, и ей волей-неволей пришлось заняться шитьем. Да вы, вероятно, и сами знаете, что когда вам что-то подобное говорят, возражать бесполезно, а если еще не знаете, то вскорости убедитесь.

Сестра и братья, конечно же, не покинули Джейн в беде, а благородно расселись возле нее на траве вокруг солнечных часов, глядя, как она спешно штопает дырку. Ягненок оставался с Мартой, и у них наконец появилась возможность нормально поговорить.

Антея и Роберт пытались намеками выразить мнение, что Саммиаду, по-видимому, доверять не стоит, но Сирил их перебил:

– Ненавижу я эти намеки, топтание вокруг да около и увертки. «Я, конечно, не знаю», «возможно», – передразнил он их. – Уж если вам хочется что-то сказать, говорите прямо.

И тогда Роберт заявил прямо:

– Это, может быть, у тебя топтание и увертки. А мы с Антеей промокли от рыбки не настолько сильно, как вы, гораздо раньше вас переоделись и кое-что уже обсудили. Поэтому, если вы меня спросите...

– Я ничего у тебя не спрашиваю, – сказала Джейн, перекусывая нитку, что ей вообще то категорически запрещалось делать.

(Может быть, вам неизвестно, что, откусив нитку, вы рискуете проглотить ее, и тогда она, обмотав ваше сердце, убьет вас. Это мне сообщила когда-то няня, и она же поведала мне, что Земля вращается вокруг Солнца. Ну, и чему прикажете верить из этой смеси нянинных страшилок и объективных научных данных?)

– Мне совершенно плевать, кто меня спрашивает, а кто нет, – огрызнулся Роберт, – но мы с Антеей считаем, что Саммиад – зловреднейшее животное. Если он может наши желания выполнять, то свои собственные, наверное, тоже. И я полагаю, он к каждому нашему от себя прибавляет какую-то гадость, чтобы они нам не принесли ничего хорошего. Вот и ну его, это опасное существо. Пойдемте-ка лучше своей компанией в меловой карьер и займемся строительством крепости.

(Надеюсь, вы еще помните, что дом, в котором детей поселили на время каникул, крайне удачно стоял между меловым и гравийным карьерами.)

Но Сирил и Джейн, которые, как обычно, смотрели на вещи гораздо оптимистичнее, не собирались так быстро сдаваться.

– По-моему, виноват не песчаный эльф, а мы сами, – возразил Сирил. – Глупо было мечтать о несметном богатстве. Вот попросили бы пятьдесят фунтов монетами по два шиллинга, и это нам принесло бы куда больше пользы. А уж желание стать прекрасными, как ясный день, – вообще полный идиотизм. Только не спорьте со мной, пожалуйста, – глянул он на сестер. – Сами ведь убедились, что так и есть. Нам просто надо теперь хорошенько обдумать желание. И попросить у Саммиада что-то действительно нужное и полезное.

– Мне тоже так кажется, – уронила свое рукоделие на газон Джейн. – Нам предоставлен такой потрясающий шанс. Глупо самим от него отказываться. В мире ведь существует куча всего заманчивого, которое можно себе пожелать и которое не превратится в пшик вроде двух наших глупых прошлых желаний. Только давайте сперва и впрямь как следует подумаем и попросим у Саммиада что-то действительно очень хорошее. Тогда у нас выйдет очень удачный веселый день.

И она энергичнее прежнего принялась за штопку, чтобы от этого дня осталось как можно больше времени на интересное. И все вдруг заговорили хором. Если бы вам

пришлось в тот момент оказаться там, вы, вероятно, из их разговора вообще ничего бы не поняли. Но они-то привыкли говорить четверками, вроде того как солдаты по четверо маршируют шеренгой, и каждый из них, произнося что-то сам, был способен одновременно слушать слова своих собеседников. Потому что в такие моменты слух каждого из этой компании словно делился на четвертинки, одной из которых они внимали себе, а тремя четвертями слушали остальных. Это можно было бы выразить уравнением из простых дробей, но не буду вас мучить задачками. Просто поверьте мне на слово, что такое вполне возможно.

После того как платье было зашито, дети хотели немедленно двинуться в направлении гравийного карьера, но Марта их задержала, категорически приказав всем четверым вымыть руки. Совершенно напрасное требование, учитывая, что никто, кроме Джейн, ничего не делал, а раз так, то чем можно было запачкаться. Конечно, теоретически правоту подобного утверждения обосновать весьма трудно, однако на практике я бы мигом ее доказала вам, ну или вы – мне. Последнее даже скорее.

В процессе весьма обстоятельного обсуждения, когда четверо разом и говорили и слушали, было утверждено окончательно сегодняшнее желание: пятьдесят фунтов монетами по два шиллинга. Оно показалось всем очень правильным и сулящим удачу. И эти везучие дети, перед которыми были теперь открыты все блага мира, стоило лишь пожелать, поспешили на новую встречу с Саммиадам.

Возле калитки, правда, их задержала Марта, велевшая взять с собой малыша.

– Как это так он сейчас вам не нужен? – сказала она в ответ на их робкие возражения. – Да он, золотой наш лапушка, любому, кому хотите, нужен. Каждый на свете мечтал бы, чтоб он был его. А вы и маме своей обещались ежедневно его с собой куда-нибудь брать.

– Сами знаем, что обещали, – помрачнел от подобного поворота событий Роберт. – Только лучше б он был постарше.

– Ну, от малых-то лет со временем все излечиваются, – философски заметила Марта. – А что до крохотного его размера, навряд ли вам больно понравилось на закорках его таскать, кабы он был крупнее. А он, лапулечка наш, даже ходить сам чуток уже может, благослови его толстенные ножки. Вот как воздействует на него полезность свежего воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.